

Таким образом, затронутая в письмах Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова тема памятника позволяет яснее представить писательскую творческую индивидуальность, противостоящую омертвлению, окаменению и живущую надеждой на благодарную память потомков.

¹ Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 401.

² Там же. С. 422.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же.

⁵ См.: Гуревич П.Ю. Пластификация в раннем творчестве Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Страшный кабан», «Гетьман») // Филологические науки. 2001. № 4.

⁶ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1994. С. 258

⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 тт. Т. 6. С. 272.

⁸ Гоголь Н.В. Полн.собр.соч. Т. 8. М.-Л., 1952. С. 24.

⁹ Юнг Э. Плач, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии... Ч. 2. Изд. 3. СПб., 1812. С. 196-197.

¹⁰ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 173.

¹¹ Там же.

¹² Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. С. 10.

¹³ «Прекрасная, вечноюная, многообразная, крылатая богиня, цветущая Фантазия!» - писал Карамзин в «Посвящении кущи» (Карамзин Н.М. Соч. Т. 3. СПб., 1848. С. 675).

¹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. «Литературные памятники». Л., 1984. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 375.

¹⁶ Русская литература XVIII века. Л., 1970. С. 689.

¹⁷ Карамзин Н.М. Соч.: В 2 тт. Т. 2. Л., 1984. С. 162.

¹⁸ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. В 2 кн. Кн. 1. М., 2001. С. 387.

¹⁹ Свинын П. Дмитриев при гробе Карамзина // Северная пчела. 1838. № 19. С. 76.

²⁰ См.: Трофимов Ж.. Симбирский памятник Карамзину. Известное и неизвестное. М., 1992.

²¹ Языков Н.М. Избранное. Ульяновск, 2002. С. 242.

²² Языков Н.М. Избранное. Примечания. Составитель А.П. Рассадин. С. 321.

²³ Там же. С. 247.

²⁴ «Атеней. 1858. № 28. С. 117.

О.В. Пригожая (Череповец)

Переписка А.С. Пушкина с Н.М. Языковым как целостный текст

Исследовательница И.А. Паперно среди наиболее значимых показателей, определяющих явление целостности текста переписки А.С. Пушкина, называет «действие одного круга имён, предметов, тем, сквозных

мотивов», а также «соотнесение стиля писем».¹ Эти признаки имеют первостепенное значение и максимально проявляются в переписке продолжительной по времени, систематической и в достаточной степени объёмной по количеству писем. Такова переписка Пушкина с несколькими корреспондентами (например, В.А.Жуковским, П.А.Вяземским, П.А.-Плетнёвым) за определённый период,² а также переписка с одним корреспондентом на всём её протяжении. Однако наряду с «большими» текстами в эпистолярном наследии Пушкина существуют «малые» тексты, характеризующиеся небольшим количеством писем, отделённых друг от друга значительными временными промежутками. К числу таких «малых» текстов относится переписка Пушкина с Н.М. Языковым. Её уникальность заключается в том, что, с одной стороны, она представляет собой лишь фрагмент переписки Пушкина и входит в разные периоды (1824-1826, 1830-е годы) а с другой, является самостоятельным, ограниченным пространственно - временными рамками текстом.

Переписка поэтов состоит из 8 писем, 6 принадлежат Пушкину, 2 - Языкову. Текст переписки также включает 2 стихотворных послания, одно из которых представляет собой часть несохранившегося письма Пушкина от 20 сентября 1824 года, а другое - стихотворный ответ Языкова на первое письмо Пушкина.

В результате реконструкции, проведённой нами, был установлен факт существования ещё 5 писем, которые не сохранились. Незначительный объём переписки Пушкина и Языкова особенно отчётливо ощущается, если учитывать её продолжительность во времени равную двенадцати годам (1824-1836). Несистематичность переписки, малое количество писем Пушкина и Языкова вызывают закономерные вопросы: правомерно ли вообще рассмотрение небольшого по объёму фрагмента переписки как целостного текста; каковы главные способы создания и, следовательно, показатели явления целостности текста.

Сохранившаяся переписка Пушкина и Языкова при всей хронологической «разорванности» и несистематичности обладает чёткой структурой, отражающей общий характер отношений корреспондентов. Переписка поэтов 1824-1836 годов состоит из четырёх фрагментов, главными критериями обозначения которых оказываются временные показатели и обстоятельства общения адресатов. Специфика переписки Пушкина и Языкова определяется тем, что она имеет литературный и одновременно деловой характер.³ Эпистолярный диалог Пушкина и Языкова - это прежде всего диалог поэтов, важное значение в котором приобретает обмен стихотворными посланиями.

Первый фрагмент переписки включает 2 стихотворных послания и по времени совпадает с 1824-1825 годами. Это время «заочного» знакомства поэтов. Несохранившееся письмо Пушкина (оно известно по его письму к А.Н. Вульфу от 20 сентября 1824 года),⁴ открывающее эпистолярный диалог корреспондентов, датировано 20 сентября 1824 года и относится к началу пребывания поэта в Михайловской ссылке. Причи-

шения к Языкову на начальном этапе их переписки.

Первое ответное послание Пушкину «Не вовсе чужа бога света...» было отослано Языковым из Дерпта через А.Н. Вульфа лишь в марте - апреле (до 20) 1825 года.⁶ Долгое молчание поэта (оно длилось около полугода) объясняется тем, что Языков с лета 1824 года и по январь 1825 года находился в отъезде и не знал о существовании письма Пушкина.⁷ Но и после того, как Языков получил послание, он не торопился дать немедленный ответ. Данное обстоятельство можно объяснить осторожностью, с которой Языков относился к Пушкину до начала их личного знакомства. Об этом свидетельствуют многочисленные критические отзывы поэта о творчестве Пушкина, содержащиеся в его письмах к родным. Например, в письме братьям от 2 марта 1824 года Языков высказывает такое резкое замечание: «...Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан» Пушкина: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних...».⁸ Кроме того, внезапное обращение Пушкина и его предложение встретиться, вероятно, оказались неожиданными для Языкова и вызвали в нём душевные колебания. Признание поэта своему брату А.М. Языкову в письме от 1 февраля 1825 года («Не знаю, скоро ли я буду в духе ответить Пушкину»⁹) характеризует его как человека, которому для эпистолярного диалога требуется особое душевное состояние, внутренний настрой. Эту психологическую особенность Языкова - корреспондента отмечает Д.В. Абашева, приводя в подтверждение слова самого поэта о том, что «...для письма нужны не одни чернила, бумага, перо и деньги - нужно ещё хорошее расположение духа, без которого особенно в нём не может быть ни живости, ни того и прочего...».¹⁰ По - видимому, Языков был внутренне ещё не готов принять и ответить на пылкие дружеские чувства Пушкина. По эмоциональному тону послание Языкова резко отличается от предельно экспрессивного приветствия Пушкина:

Бог весть, что в мире ожидает
Мои стихи, что буду я
На тёмном поле бытия <...>
Меня твоё благоволеньё
Предаст в другое поколеньё...
(Языков, 66-67)

Сдержанность Языкова обусловлена также осознанием огромной внутренней дистанции, разделявшей первого поэта России и дерптского студента, его почтительным отношением к Пушкину. Противоречивость в оценках личности Пушкина говорит о сложности и неоднозначности восприятия Языковым корреспондента в первый период их переписки. Осознавая масштаб таланта Пушкина и испытывая к нему уважение, Языков при этом желает быть самостоятельным и оставляет за собой право на собственное понимание истинного назначения и сущности поэтического искусства. Д. В. Абашева указывает на то, что никакой «личной приязни или неприязни» в отзывах поэта о творчестве Пушкина нет

и Языков «...в своих критических суждениях хочет быть и объективным, и проявить себя знатоком современной литературы, и сохранить свою личную самостоятельность. Это стремление к независимости и самостоятельности и порождает зачастую прохладность его оценок».¹¹ А. П. Рассадин, определяя своеобразие творческой позиции Языкова, подчёркивает «самостоянье», независимость мышления поэта, его обособленность, которая «...была достигнута <...> не путём неприятия и *отталкивания от пушкинской поэзии <...>*, а путём наиболее последовательного *усвоения и самостоятельного развития её отдельных сторон*, потом самому же Пушкину *противопоставленных*».¹² Такой взгляд на творческий путь Языкова опровергает всякие предположения, бытовавшие ранее в литературоведении, о необъективности суждений, двуличии и завистничестве поэта по отношению к Пушкину.¹³

Письма поэтов 1825-1826 годов отделяет друг от друга почти год. Вероятно, в это время переписка между корреспондентами не велась, на что косвенно указывают письма Пушкина к Вульфу 1825-1826 годов (XIII, 219; 237-238; 275), в которых поэт постоянно напоминает о себе и проявляет настойчивый интерес к личности Языкова.

Следующий фрагмент переписки Пушкина и Языкова, относящийся к 1826 году, состоит из 3 писем и отражает новый этап в отношениях корреспондентов, связанный с их личным знакомством (оно состоялось летом 1826 года в Тригорском). Знаменательно, что в данный период эпистолярного диалога роль активного корреспондента на себя принимает Языков, он становится открытым для общения. Его почтительно - отстранённое поведение сменяется восторженностью. Находясь под воздействием ярких впечатлений от встречи с Пушкиным, именно Языков первым обращается к поэту с проникновенным стихотворным посланием в письме из Дерпта от 19 августа 1826 года:

Огнём стихов ознаменую
Те достохвальные края <...>
Где и когда мы: ты да я <...>
Два первенца полных Муз,-
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
(XIII, 292)

Идея поэтического союза, не получившая развития в первом стихотворном ответе Языкова, теперь становится смысловым центром его обращения к Пушкину и по - новому определяет отношения корреспондентов. Поэтическая формула «ты да я», смело утверждаемая Языковым, звучит как декларация, провозглашающая равенство поэтов в таланте и на Парнасе. Чувствуя отныне в Пушкине единомышленника, Языков открывает ему свой поэтический идеал, который находит в историческом прошлом России:

Зовём свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе -
И славой прадедов горжусь.
(XIII,292)

Мыслью о поэтическом братстве проникнуты и анакреонтические мотивы, появляющиеся в послании Языкова:

Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне <...>
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром <...>
Лился в стаканы-исполины <...>
Мне весело вспоминать -
Сию Поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
(XIII, 291-292)

Однако, провозглашённый Языковым дружеский союз - это прежде всего союз двух поэтов, объединяющий их на поэтическом поприще, но не в жизни. При всей внешней близости корреспондентов их отношения, возникшие после знакомства, всё же нельзя определить как дружеские. А.П. Рассадин, в целом признавая дружеский характер общения Пушкина и Языкова, одновременно указывает на сложность, неоднозначность взаимоотношения поэтов. Исследователь отмечает: «...если между Языковым и Пушкиным и были дружеские отношения, то <...> лишь с большой натяжкой эту «дружбу» можно назвать взаимной, ещё менее - открытой и тёплой».¹⁴ Но, несомненно, общим, что объединяло поэтов, безоговорочным была любовь, беззаветное служение поэзии. «В отношениях с Пушкиным в Языкове говорил больше *поэт*, чем человек, поэт, отвергающий подражательность и литературные приличия, самостоятельно и на равных правах, *рядом* с гением познающий своё истинное значение. Как равного по масштабу художественного таланта, воспринимал Языкова и Пушкин, не оспаривая занятого им места и поддерживая в нём стремление быть *другим*,» утверждает А.П.Рассадин.¹⁵

Отстаивая независимость в сфере творчества, Языков проявляет самостоятельность и в эпистолярном диалоге с Пушкиным. Языков, вероятно, осознаёт установку Пушкина на создание духовной, дружеской связи между ними, однако избирает иной путь развития и становления их отношений - путь делового сотрудничества. Выбор такого пути формирует и определяет практическую заданность, деловую направленность переписки корреспондентов. Так, в письме Пушкину от 19 августа 1826 года из Дерпта Языков выступает с предложением о сотрудничестве: «...один мой приятель, увлечённый духом времени, собирается издать на будущий год альманах <...> в следствие надежды на вашу ко мне благосклонность - и прошу и молю вас не отказать способствовать <...>

сему богоугодному предприятию...» (XIII, 292).

Форма стихотворного послания в переписке Пушкина и Языкова также не может быть воспринята как доказательство существования между корреспондентами крепких дружеских отношений. По мнению А.П. Рассадина обращение на «ты» в посланиях обоих поэтов - это скорее следование традиции, соблюдение канонов поэтического жанра (для которого тема дружбы - неперменный атрибут), чем душевный порыв. В этом отношении показательны формы приветствий и прощаний, к которым прибегают корреспонденты в прозаической части своих писем. Во всех письмах Пушкина и Языкова неизменно «действует» обращение на «Вы», свойственное для переписки людей малознакомых и соблюдающих условности в общении друг с другом. Как отмечает А.П. Рассадин, подчеркнута вежливый тон в диалоге корреспондентов задаёт Языков, который не может в отношениях с Пушкиным, как и в отношениях с другими людьми, преодолеть скованности и замкнутости, свойственных ему от природы¹⁶. Лишь однажды, видимо под воздействием необычайного эмоционального порыва, Языков в письме то 19 августа 1826 года, прощаясь с Пушкиным, подписывается на латинском языке, который придаёт нейтральность обращению «Prore et longe tuus» (Твой вблизи и вдали) (XIII, 292). Однако со стороны Пушкина ощущается несомненное желание установить прочную дружескую связь с корреспондентом. Свидетельство этому - письма Пушкина 1826 года, относящиеся уже ко времени его освобождения из ссылки. Оказавшись на свободе в кругу близких друзей и окунувшись в светскую жизнь столиц, поэт тем не менее сохраняет искренний интерес к личности Языкова. О стремлении Пушкина к продолжению эпистолярного диалога с собеседником свидетельствует его письмо от 9 ноября 1826 года, в котором он проявляет к Языкову истинное дружеское участие: «Милый Николай Михайлович - сей час из Москвы, сей час видел ваше «Тригорское» - спешу обнять и поздравить вас <...>. О Москве напишу Вам много» (XIII, 305).

В несохранившемся письме из Дерпта (оно предположительно может быть датировано декабрём (до 14) 1826 года¹⁷) Языков отослал Пушкину стихотворение «Тригорское», посвящённое П.А.Осиповой. Оказываясь неотъемлемой частью переписки корреспондентов, это стихотворение образует идейно-тематическое единство с письмами разного времени. Так, через центральную в «Тригорском» тему древнего Пскова раскрывается идея преемственности времён и поколений:

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян <...>
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены <...>
Белеется весёлый дом <...>
Приют свободного поэта,
Не побеждённого судьбой!
(Языков, 116;117)

Представление Языкова о Пушкине как достойном потомке своего народа обнаруживает явные связи со строками из первого послания самого поэта (в них он указывает на своё происхождение от гордого и независимого прадеда):

В деревне, где <...>
Скрывался прадед мой Арап
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты <...>
Он думал в охлаждённые леты <...>
Я жду тебя.

(II, 288)

В стихотворении «Тригорское», как и во втором послании Языкова, идея поэтического союза звучит в едином потоке с жизнерадостными мотивами:

Что восхитительнее, краше <...>
Когда за пенистой чашей
С поэтом говорит поэт ?
(Языков, 119)

По контрасту с этими строками неожиданно возникает мотив утраченного счастья, «потерянных лет»:

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора <...>
Придут ли дни? Увижу ль снова...
(Языков, 119;121)

Тема исторического прошлого, одна из важнейших в «Тригорском», находит органичное отражение и в письме Пушкина из Москвы от 21 декабря 1826 года: «Письмо ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новгорода - Вам достойному певцу того и другого» (XIII, 314). В письме Пушкина от 21 декабря 1826 года идея поэтического союза, определяющая пафос всей переписки поэтов, трансформируется в идею литературного содружества. Она возникает как отклик на литературную борьбу партии «аристократов» и «торгового направления». Относясь отныне к Языкову как своему соратнику, Пушкин призывает его к участию в «Московском вестнике»: «Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи...» (XIII, 314). Таким образом, вставая на путь делового сотрудничества, предложенный Языковым, Пушкин в конечном итоге определяет свои отношения с ним преимущественно как литературные, деловые.

Между письмами корреспондентов 1826-1828 годов существует временной промежуток, равный двум годам. Однако в ходе реконструкции

нами был установлен факт существования двух писем, датированных 1827 годом. О письме Языкова от начала февраля 1827 года (вероятно, он первым обратился к Пушкину после их встречи в 1826 году) упоминается в его письмах к братьям того же времени.¹⁸ В них звучит упрек Пушкину, который находился в Москве и не отвечал поэту. Также известно письмо Пушкина от середины апреля 1827 года,¹⁹ в котором он приглашал Языкова посетить Михайловское летом 1827 года.

Третий фрагмент переписки поэтов включает письма 1828 и 1831 годов. Он начинается со стихотворного послания Пушкина «К тебе собирался я давно...», вошедшего в письмо из Петербурга от 14 июня 1828 года. Это письмо, с одной стороны, сохраняет идейно-тематическое единство с предшествующей перепиской, а с другой, привносит в диалог корреспондентов новые интонации. Образ поэта-невольника и мотив дороги объединяют послание Пушкина от 14 июня 1828 года с его первым посланием Языкову:

К тебе собирался я давно
В немецкий град тобой воспетый <...>
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня
И на Неве <...>
Окованным остался я.
(XIV, 20)

Неожиданно появляющиеся шутка и ирония определяют тональность этого послания. Мотив ушедшей юности (он впервые возникает в «Тригорском») также утрачивает «высокое» значение и раскрывается в ироническом контексте:

Ах юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая <...>
Готов я всюду был лететь;
(XIV, 20)

1830-1831 годы - время частых встреч Пушкина с Языковым в Москве.²⁰ Переписка корреспондентов в этот период становится реже, однако не прекращается. На существование несохранившегося письма Языкова от конца октября - начала ноября 1831 года косвенно указывает ответное письмо Пушкина из Петербурга от 18 ноября 1831 года. В этом письме (оно содержит отклик на предложение Языкова участвовать в журнале «Европеец») вновь возникает мысль о литературном сотрудничестве: «Поздравляю всю братию с рождением Европейца. Готов с моей стороны служить Вам <...> прозой и стихами...» (XIV, 240).

Последний, четвёртый, фрагмент переписки Пушкина и Языкова со-

ставляют 3 письма (1834, 1836 годов). В структуре текста переписки существует пропуск, разделяющий письма 1831-1834 годов. Общение поэтов прерывается со времени отъезда Языкова из Москвы в 1832 году. Последняя встреча друзей относится к 1833 году.²¹ Поэтому письмо Пушкина из Болдино от 26 сентября 1834 года оказывается «случайным» в общей цепи писем корреспондентов. По сути это записка, отосланная поэтом Языкову через его брата А.М. Языкова. Но, вместе с тем, данное письмо вступает в диалогическое единство с предшествующими письмами. Пушкин, не оставляя мысли о литературной борьбе, вновь обращается к Языкову с предложением о сотрудничестве: «...весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал <...> но для того должен я быть уверен в Вашем содействии...» (XV, 195). Письма Пушкина и Языкова 1836 года завершают их переписку. Письмо Пушкина из Голубова, именина Вревских, от 14 апреля 1836 года представляет собой своеобразную модель эпистолярного диалога корреспондентов. В этом письме чётко обозначается два плана содержания: лирический и деловой. Лирический выражается через воспоминания Пушкина (он обращается к Языкову, спустя 10 лет после их первой встречи в Тригорском летом 1826 года). Цитируя строки из «Тригорского» (1826) и воскрешая в сознании адресата картины прошлого, Пушкин надеется на возникновение ответных чувств с его стороны: «...пишу к Вам <...> из той стороны - где вольные живали etc. - где ровно тому десять лет пировали мы втроём - Вы, Вульф и я <...> я не мог не написать Вам <...> в ожидании, что и Вы откликнетесь» (XVI, 104). Деловой план содержания связан с идеей литературного сотрудничества: «Вы получите мой Современник <...>. Будьте моим сотрудником непременно» (XVI, 104-105). Интересно, что Пушкин заканчивает письмо просьбой прислать «стих об Алексее бож. < ием > человеке». В 1830-е годы поэтов объединял общий интерес к собиранию фольклора. Ответное письмо Языкова от 1 июня 1836 года отражает структуру письма адресата. Но, если в письме Пушкина объём лирического и делового содержания равен, то у Языкова лирический план ограничен одной фразой («Спасибо вам, что вы обо мне вспомнили в Тригорском... тогда я был лёгок» (XVI, 122)) и свидетельствует о его нежелании обращаться к воспоминаниям. Немногословность Языкова обнаруживает в нём корреспондента с «закрытым», монологическим типом мышления, склонного к саморефлексии и погружённого в себя. Для раскрытия внутреннего состояния корреспонденту с монологическим типом мышления необходим «живой» духовный контакт, непосредственное общение. Вероятно, трёхлетний перерыв в отношениях поэтов охладил чувства Языкова. Сдержанность поэта в эмоциях объясняется также его рассудочным отношением к переписке как к «делу». Письмо, считает Языков, должно быть информативным по содержанию, оно не предназначено для выражения эмоций: «...я предполагаю, что бумага не для того выдумана, чтобы на ней писать всё, что говорится, а только то, что нужно и необходимо знать прежде устного изъяснения...».²² Пушкина как корреспондента, напротив, отличает «открытый», диалогический тип мышления, проявляющийся в готовности поэта к общению в любой момент.

Ретроспективная связь между началом и концом переписки корреспондентов устанавливается через пространственно-временные образы, а именно, образ Тригорского и образ прошлого, которые объединяют письма поэтов 1836 года с первым письмом Пушкина от 20 сентября 1824 года, письмом Языкова от 19 августа 1826 года и стихотворением «Тригорское» (1826). Чёткое соотношение первых и последних писем указывает на кольцевую композицию текста переписки, подчёркивающую его внутреннюю завершённость и целостность. Неосознанно и произвольно возникающая кольцевая композиция текста переписки Пушкина и Языкова формирует восприятие переписки как явления, обладающего сложной внутренней природой, как некоего психологического феномена, не поддающегося однозначному объяснению. «Сложность», многозначность явления переписки обусловлена «сложностью» «общего мира», который объединяет корреспондентов. «Общий мир» Пушкина и Языкова складывается как мир деловых, литературных отношений, но в нём наряду с прагматическими задачами «действуют» живые чувства, эмоции, выходящие собственно за пределы рациональной сферы, и потому не объяснимые до конца.

Таким образом, переписка Пушкина и Языкова - это целостный текст, обладающий сюжетом, композицией, структурой. Главным способом создания (показателем) целостности переписки поэтов становится идейно-тематическое единство, возникающее вследствие функционирования общих тем, идей, мотивов, образов. Можно говорить об универсальности этого способа. Он оказывается одинаково актуальным и значимым как для «больших», так и «малых» текстов. Однако идейно-тематический уровень текста переписки - это лишь внешнее отражение глубинного уровня её содержания. Целостность - явление прежде всего внутреннего порядка. Она определяется и обуславливается характером взаимоотношений корреспондентов, психологией и духовным опытом их общения. Показателями глубинного уровня содержания переписки оказываются психологическая тональность, эмоциональный настрой, идейный пафос, пронизывающие все письма поэтов. Целостность переписки Пушкина и Языкова также определяется спецификой самого текста. Стихотворные послания, тяготея друг к другу и преодолевая хронологические пропуски, усиливают внутреннее единство писем.

¹ Паперно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май - октябрь 1831 г.) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 420. С.80.

² См. об этом: Вольперт Л.И. Дружеская переписка Пушкина Михайловского периода (сент. 1824 г. - дек. 1825 г.). С.49- 59.; Паперно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май - октябрь 1831 г.). С.71- 82.; Пригожая О.В. Переписка А.С. Пушкина Болдинской осени 1830 года (3(15)сентября - 30(12 декабря)) как целостный текст // Традиции в контексте русской культуры. Межвуз. сб. науч. тр. Череповец, 2002. Вып. IX. С.18- 24.; Пригожая О.В. Система поэтических образов в переписке А.С. Пушкина Михайловского периода (9 августа - 4 сентября 1826 г.) как один из способов создания целостного текста. [В печати] .

³ См. об этом: Мушина И.Б. А.С. Пушкин и Н.М. Языков // Переписка А.С.-Пушкина: В 2 т./ Вступ. ст. И.Б. Мушиной; сост. и коммент. В.Э.Вацуро и др. М., 1982. Т. 2. С. 137- 190.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994- 1997. Т.ХIII. С.108-109. Далее ссылки на это издание даются в тексте. В скобках римской цифрой обозначается номер тома, арабской - номер страницы.

⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 413. О специфике слова в «реальном диалоге» см.: С. 93 - 97.

⁶ Пушкин. Письма 1815-1825 / Под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т.1. С.408.

⁷ Рассадин А.П. Последний из пушкинской плеяды. Историко - документальное повествование. Ульяновск, 2002. С.104.

⁸ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М.; Л., 1959. С.418,. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте. В скобках указываются фамилия автора и страница.

⁹ Письма Н.М.Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822-1829) / Под ред. и с объяснительными прим. Е.В.Петухова. СПб., 1913. С.146.

¹⁰ См. об этом: Абашева Д.В. Братья Языковы по материалам переписки 20-40-х годов XIX в. Чебоксары, 2000. С.6.

¹¹ Абашева Д.В. Н.Языков в оценках критики и литературном окружении. Учебное пособие. Чебоксары, 1999. С.52.

¹² Рассадин А. П. Последний из пушкинской плеяды. С. 95.

¹³ См. об этом: Рассадин А.П. Последний из пушкинской плеяды. С. 115-116.

¹⁴ Там же. С.118.

¹⁵ Там же. С.129.

¹⁶ См. об этом: Рассадин А.П. Последний из пушкинской плеяды. С. 123-124.

¹⁷ Летопись жизни и творчества А. Пушкина: В 4т./ Сост. М.А. Цявловский (1799-1826), Н.А. Тархова (1826-1837). СПб.,1999. Т.2. С.213.

¹⁸ Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822-1829). С. 314, 316.

¹⁹ Летопись жизни и творчества А.Пушкина. Т.2. С.259.

²⁰ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.,1988. С.520.

²¹ См. об этом: Летопись жизни и творчества А. Пушкина. Т.4. С. 374-564; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С.521. Ср.: Переписка А.С. Пушкина. Т.2.С.201.

²² Письма Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822- 1829). С.64.

Н.В.Головко (Ставрополь)

Стихотворение Н.М. Языкова «К халату» в творческой истории романа И.А. Гончарова «Обломов» (источниковедческая гипотеза)

Творческая история романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859) неоднократно изучалась историками литературы, текстологами, культурологами, краеведами, но в ней обнаруживается еще немало предпосылок

ПО ЦАРСТВУ И ПОЭТ

**Материалы
всероссийской научной конференции
«Н.М.Языков и литература пушкинской эпохи»**

**Средневолжский научный центр
Ульяновск, 2003**

УДК: 8Р1
ББК : 83.3(2=Рус)5
П-41

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-04-14028 г.

**Составитель
и
ответственный редактор
А.П.Рассадин**

Редакционная коллегия: А.А. Карпов (Санкт-Петербург), Н.В.Нарышкин (Казань), С.Б.Петров (Ульяновск), А.П.Рассадин (Ульяновск), Л.А.Сапченко (Москва)

П-41. По царству и поэт: Материалы всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи» / Сост. и отв. ред. А.П. Рассадина - Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2003. - 260 с.

ISBN 5-7769-0105-7

В сборнике представлены избранные материалы (доклады, сообщения, архивные документы), подготовленные участниками всероссийской научной конференции «Н.Языков и литература пушкинской эпохи» (Ульяновск, 24-26 апреля 2003 года), прошедшей на родине выдающегося русского поэта и приуроченной к 200-летию со дня его рождения. Для литературоведов, филологов, историков русской культуры и литературы.

ISBN 5-7769-0105-7

ББК: 83.3(2=Рус)5 - Языков

© Коллектив авторов, 2003
© «Средневолжский научный центр», 2003
© Рассадина Д.А., дизайн обложки, 2003